

НЕДАВНО мне пришлось разговаривать с одним домовладельцем. Не скрою, беседа была не очень приятной: я, как депутат, убеждала его в том, что благоустройство приусадебного участка — не только его личное дело; он же с поразительным упрямством твердил: «Ходят тут всякие... Сами все знаем!»

Я твердо знала, что видела его впервые, но не могла избавиться от ощущения, что он мне хорошо знаком. Эта глубоко надвинутая кепка, эти торчащие уши, хитрющий взгляд изподлобья... Ба! Да это же Головастикив из спектакля «Варвары».

Но ведь Петр Михайлович Кирсанов, играющий эту роль, не мог видеть моего собеседника. Откуда же он взял эти повадки, этот внешний вид, эту манеру «цедить» слова сквозь твердо сжатые зубы?! Секрет прост: актеру помогло блестящее знание жизни, огромный запас личных наблюдений.

Дарование Петра Михайловича по своей природе удивительно оптимистично. Зрители с первого же появления узнают его на сцене, узнают его голос, фигуру, лицо... Но проходит минута, другая, и оказывается, что Головастикив, которого играет сегодня Кирсанов, не имеет ничего общего с дядюшкой Руже, которого он играл вчера. Это — совершенно разные люди.

У Петра Михайловича редкая способность к внутреннему перевоплощению. Он умеет в каждой роли, большой или маленькой, заставить зрителя поверить ему, вспомнить людей, чем-то неуловимо напоминающих его героев.

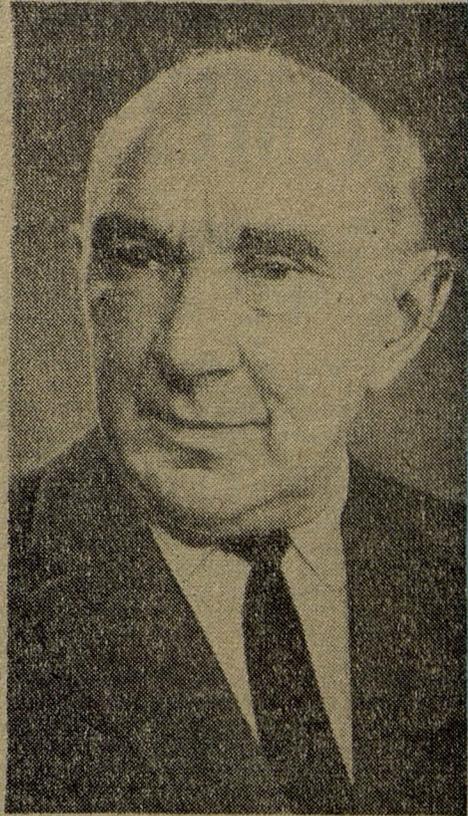
Поистине поразителен диапазон актера. Я никогда не слышала, чтобы в спектакле «Лес» кто-нибудь отважился сыграть одновременно и Геннадия Несчастливцева и Аркашку — настолько полярны друг другу эти роли. Но подмостки нашего областного театра стали свидетелями того, как эту задачу блестяще решил Кирсанов.

Жестокий Сорини в «Испанцах», трогательный мужик в «Странном человеке» и одержимо-холодный Неизвестный в «Маскараде» — таков вклад Кирсанова в лермонтовскую тему театра за последние годы. И речь идет о серьезном творческом вкладе, ибо, несмотря на объем роли, каждая из перечисленных работ по праву отмечалась как украшение спектакля.

Мне памятен эксперимент молодого режиссера, поставившего в свое время на нашей сцене «Замок Брунди». Неожиданно для всего коллектива роль бабушки была поручена... Кирсанову. Решение это вызвало бурю толков, споров и открытых протестов. Особенно опасались за последний акт, акт подлинно трагедийного звучания. И все с трепетом ждали дня премьеры. Этот день наступил и стал днем торжества эксперимента, новой творческой победы актера.

Артистическая щедрость в лепке характеров, ясная идейная направленность и психологическая точность — эти черты определяют творческую индивидуальность Петра Михайловича. О них много писалось и говорилось. О них много будет сказано и в юбилейные для Кирсанова дни. Мне бы хотелось еще несколько слов сказать о Петре Михайловиче, как о сценическом партнере, ибо каждое общение с этим замечательным мастером — творческая радость.

Сколько вечеров такой радости мне пришлось пережить за 20 лет совместной с

Н А Ш СТАРШИЙ ДРУГ

Сегодня все пензенцы сердечно поздравляют народного артиста РСФСР П. М. Кирсанова с 50-летием его сценической деятельности

ним работы! И все-таки есть один спектакль, не сравнимый ни с чем. Есть одна роль, которую до сих пор я люблю больше других. И виновником этой редкой привязанности является мой любимый партнер — Кирсанов.

Спектакль «Наследство дядюшки Руже» родился пятнадцать лет назад. Позже он стал называться «Хищница»... За пятнадцать лет мы сыграли его более трехсот раз. За это время сменилось три Филиппа Бридо, четыре Макса Желе, но нельзя представить этого спектакля без Петра Михайловича в роли Руже.

В актерской среде говорят: «Творческое лицо — репертурный лист». За 50 лет работы в театре Кирсанов сыграл около тысячи ролей. Тысячу людей, живущих в разные исторические эпохи! Добрых и злых, умных и глупых, смелых и трусливых, сильных и слабых. Людей, не похожих ни на самого актера, ни друг на друга. При таком обширном репертурном списке, по-

жалуй, трудно определить творческое лицо Петра Михайловича каким-нибудь привычным термином, вроде актер «героического плана», или актер «плана комедийного», или, скажем, «простака». Перед нами актер широчайшего творческого диапазона, пылкий, всегда ищущий, успешно решающий труднейшие сценические задачи. Перед нами — народный артист в самом широком понятии этого слова.

50 лет на сцене — великолепный итог любого творческого пути, но Петру Михайловичу до итога еще далеко. Я убеждена, что сердце моего сценического друга по-прежнему до краев переполнено любовью к людям, стремлением отдать эту любовь окружающим.

За это большое сердце низкий Вам поклон, Петр Михайлович, и от всей души: «Спасибо!».

Л. ЛОЗИЦКАЯ,
народная артистка
РСФСР.

Пенза.